

путешественник

www.kommersant.ru

Четверг 3 июля 2008 №113 (№3930 с момента возобновления издания)

Отели, к которым обычно добавляют «гранд», — это не просто огромные и знаменитые гостиницы. Это объекты истории и перекрестки цивилизаций. Гранд-отели открывали для удовольствия путешественников, для сиюминутных туристических нужд, но они парадоксальным образом, сквозь войны и революции, сохранили нарядную богатую бытовую культуру прошлых лет и великосветские и буржуазные привычки. **Екатерина Истомина** рассказывает о том, как сегодня живут эти великие старики.

Отели навсегда

гранд отель

Несколько лет назад мне попалась в руки одна старая книга — конца XIX века. Это был почти мертвый свиток, хранивший в себе перечисление главных на тот момент гранд-отелей в Европе.

Не скрою, мне доставило определенное удовольствие пробежаться глазами по списку. Отметить, какие отели я знаю, в каких была, в каких, возможно, буду еще, а в каких уже не буду никогда, так как их уже давно нет на этом свете. Тот старый список был неполным. Я могла бы добавить к нему еще несколько гранд-отелей, которые составители книги по каким-то своим причинам не внесли ли не захотели включить в книгу.

Вот ныне здравствующие — Beau-Rivage в Лозанне (1861), De Paris в Монте-Карло (1864), Plaza Athenée в Париже (1867), Cap Eden Roc в Антибе (1870), Brenner's Park в Баден-Бадене (1872), Burgenstock, что под Люцерном (1873), Grand Hotel в Осло (1874), Grande Bretagne в Афинах (1874), Grand Hotel Europe в Санкт-Петербурге (1875), Le Richmond в Женеве (1875), Sacher в Вене (1876), Du Palais в Биаррице (1893), Grand Hotel Pupp в Карлсбаде, ныне в Карловых Варах (1896), Badrutt's Palace в Санкт-Морице (1896), Bayerischer Hof в Мюнхене (1897), Claridge's в Лондоне (1898), парижский Ritz (1898), Metropole в Москве (1898).

Впрочем, добрая половина отелей из списка конца XIX века уже не существовала либо безнадежно, неузнаваемо сменила имена.

Почти все из действующих отелей многие годы были моими настоящими верными друзьями, хотя состояние многих из них подчас вызывало у меня вопросы. И даже отчуждение. И даже неприятие. И возмущение. И даже бешенство, в конце концов. Но они сами, эти старые отели, не были виноваты. Виноваты тяжелые времена, прошлые или настоящие.

Разве можно винить в чеплиби, например, Grand Hotel Pupp в Карлсбаде, городке, со-

Великий Du Palais в Биаррице был открыт императрицей Евгенией и видел всю русскую императорскую фамилию в полном составе. Сегодня этот гостиничный старик бодр и свеж, словно Атлантика

ставившем некогда славу Австро-Венгрии как империи, где все же немного следит за здоровьем? Grand Hotel Pupp, этот веселый, нелепый, сказочный замок под горой, какой-то готический, но при этом весь усыпанный барочными завитушками, внутри укрыт пыльными «полюсоветскими» красными коврами дорожками. Это ведь не Карлсбад, а Карловы Вары, любимый номенклатурой стран Варшавского договора термальный курорт, где целебную воду привычно лакировали чешским пивом. Ясно, откуда здесь такие ковровые дорожки. Держись, старина Пупп!

Или Grand Hotel Europe в Санкт-Петербурге? Что может быть печальней уложенного нестройным рядом советского серого мрамора в лобби? Мрамор из метрополитена не выкорчевать, но хамская советская культура местного общества некогда столь блистательной «Европы» вызывает у меня не гнев, а просто слезы — так, на прошлой неделе в Grand Hotel Europe мне, которая совсем не плакала, пришлось плакать даже дважды, утром и вечером. Что сказать о совсем заброшенном московском Metropole? Это отель, которым могла бы гордиться даже не Москва.

Вся страна, как победами господ Аршавина и Павлюченко на Euro2008. В каком другом отеле мира есть панно работы, простите, самого Врубеля?

Вот и славный приземистый Grand Hotel в Осло теряет очки: его богеменное в прошлом Grand Cafe сейчас стало проходным, ведь истинная роскошь — не в чести в современной Норвегии. Слава богу, отель Burgenstock, что под Люцерном, три года назад хозяева успели закрыть на ремонт, ведь даже преданные постояльцы уже отказывались отдыхать здесь.

Спохватились крайне вовремя и в Cap Eden Rock в Ан-

тибе. Директор отеля, добрый старикан Жан-Клод Ирондель полвека правил здесь свой свирепый бал, запрещая кредитные карты, телевизор и интернет и требуя от миллиардеров денег за коробок спичек. Два года назад месье Иронделья с почестями выпроводили на пенсию, и вот грандиозный отель, построенный еще основателем Le Figaro, вновь в строю передовых на Лазурке.

Держится на краю некоего вызывавший тревогу Le Richemond в Женеве: сделаны номера, слаженно работает сервис. Парижский Ritz — это вообще отдельный разговор. Дом Ша-

нель и капище прочей буржуазии, где на завтрак нужно отстоять длинную очередь. Водопроводные краны в виде золоченых лебедей в парижском Ritz грезят лебединым озером — ульывают из рук. Проблема ремонта отелей-музеев остра. Это проблема философская, археологическая. Оставлять ли отель музеем? Делать его современным так, чтобы он казался еще чуточку музеем? Требуется не одна комиссия.

Однако на наше с вами счастье многие старики бодр и веселы. Вот горит сахарным румянцем венский Сас-

хет, предки владельцев которого изобрели этот сводящий скулы венский десерт. Вот отель Beau-Rivage в Лозанне открыл два года назад прекрасный SPA-центр. Такой центр в отеле очень нужен: ведь в Beau-Rivage пышет гастрономический ресторан с видом на Леман и с меню в 45 страниц.

Отель De Paris в Монте-Карло надувает щеки, словно сказочный тритон работы архитектора Гарины. Этот отель уже совсем распух от довольства. Единственные существа, которым здесь плохо, — это мраморный бюст Людовика XV перед одноименным рестораном Дюкасса и медный всадник перед центральным входом. У коня всадника посетители казино все время трут копыто на счастье, скоро конь останется без ноги. А мраморный Людовик XV — забытый, пыльный и голодный.

Гранд-отель Du Palais в Биаррице, детище императрицы Евгении, тоже цветет, причем, цветет почти буквально: здесь функционирует новый SPA от императорской марки Guerlain. Работают на выжимках из орхидей. Лондонский отель Claridge's не только влечет свежайшей позолотой, но и манит теплой, «кружевной» выпечкой от Гордона Рамзая, не раз дипломированного английского гурмана вилки, ложки и ножа.

Парижский гранд Plaza Athenée на авеню Монтегнь зимой кружит голову дивным котком, летом — ласково шепестит зеленым виноградом. И круглогодично здесь — именной ресторан Дюкасса и вид на Эйфелеву башню. И еще в Plaza Athenée — самые красивые сотрудницы ресепшн-деска из всех парижских гранд-отелей. Даже в George V, что по соседству, совсем не такие девушки. Что уж говорить о парижском De Crillon, где в службе размещения собрали каких-то старух.

Да, им, великим старикам, порой живется нелегко. Но гранд-отели — они не пессимисты. Они натренированы жизнью сполна и потому полны надежд. Эти старики пережили слишком многих и видели слишком много, чтобы однажды взять и умереть.

18 страница

Нью-Йорк и The Plaza

20 страница

Гонконг и The Peninsula

21 страница

Лондон и Brown's

22 страница

Ницца и Negresco

23 страница

Венеция и Danieli

24 страница

Довиль и Normandy, Royal, Du Golf

Великая китайская пирамида

гранд отель шанхай

The Bund — один из главных исторических кварталов Шанхая. The Bund строили европейцы, и его слава пришла на 1920–1930-е, десятилетия, когда Шанхай считался «азиатским Парижем». The Peace Hotel — это центральное здание The Bund. Этот устрашающий небоскреб с окнами-бойницами, шедевр ар-деко, переживший китайскую культурную революцию, и сегодня в гостиничном строю. **ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА** считает The Peace Hotel самым трагическим гранд-отелем мира.

Это сегодня Шанхай — коллекция современных небоскребов, которые, кажется, соревнуются между собой по части высоты, яркости освещения и формы. Шанхай до коммунистической эпохи выглядел по-другому. Старый традиционный китайский квартал, за ним — и сегодня жилой Французский квартал, застроенный небольшими виллами, и официальный портовый район The Bund у мутной реки. Их строили англичане, а также русские, немцы и французы. А тот ультрасовременный район, который сегодня называется Пудунг и сверкает «жемчужным» небоскребом-телебашней, представлял собой жидкую, болотистую равнину.

The Bund был и портовым, и почтовым, и торговым, и таможенным, и районом гуля-

Peace Hotel, в прошлом состоявший из Palace Hotel и Cathay, видел не только веселье 1920-е, но и танковые 1940-е. Но сумел все пережить и сохранить свои сокровища

ний, и отдыха тех, кто выбрал Шанхай местом службы или даже жизни. Сегодня The Bund — это большой квартал-памятник, место, где можно увидеть другой, исторический Шанхай, город, который был некогда столь же весел, беспашабен, беспечен и роскошен, как Нью-Йорк или Париж.

Тот Шанхай — в окончательном прошлом. Чтобы дойти до набережной мутной реки, нужно будет сначала продаться через новейшие китайские постройки. Больше, чем через городские постройки, нужно будет пройти через всю новейшую китайскую жизнь со всеми ее известными прелестями.

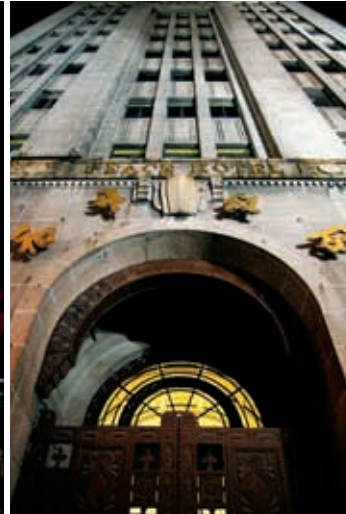
Квартал The Bund возникнет не сразу. Он будет прорезаться на поверхность то одним зданием, то другим. И все ближе

и ближе к набережной будет появляться больше «художественных» каменных строений — с лицом, с «посадкой головы», с формой. И с качеством, отличным от современного китайского качества — европейцы собирались оставаться здесь, в Шанхае, надолго.

То вдруг вынырнет прочный старый каменный банк с примечательной табличкой «Здесь в 1926 году заседала Первая опиумная комиссия». Стоит зайти в этот банк, даже если вам не нужны юани. Здесь живые шедевры интерьерного ардеко — лампы, бра, люстры, кованные решетки под сводами потолка. Китайцы обычно меняют деньги, делают денежные переводы. Европейцы и американцы стоят, задрав в изумлении головы, не в силах

отвести глаз. Это не Опиумная комиссия, это никакой не банк. Это музей. Впрочем, старых банков в The Bund немало. Сохранилось и здание Русско-Балтийского банка, построенного из серого гранита в 1912 году, — оно находится ближе к старому китайскому кварталу, выдержано в стиле мрачного имперского палаццо.

Дальше по пути к мутной широкой реке вас ждет мрачная, почти черная глыба, суровая и строгая, словно пращечная. Небоскреб, но не такой уверенный в себе, как небоскреб в Нью-Йорке. А, напротив, злой и собранный. Этому зданию пришлось нелегко: он пережил теракт рядом с центральным входом в 1937 году. Десять лет спустя, в 1947-м, мимо отеля злое прогромыха-

ли коммунистические танки. Сохранились архивные фотографии. На них — толпы людей с флагами в руках машут танковой дивизии. Дивизия едет мимо того самого банка, Опиумной комиссии и поворачивает прямо к входу отеля. Это и есть легендарный Peace Hotel, его северное здание с вагнеровской башней, настоящим приютом валькирий. На другой стороне улицы — разноцветный южный корпус Peace Hotel, напоминающий замок из мультфильмов Диснея.

Когда отелей было два, тот, что южный, был построен в конце 1910-х, то есть раньше северного соседа, и сперва назывался просто и безыскусно — Palace Hotel. Было главное место, о чем свидетельствуют сохранившиеся афиши —

объявления о концертах, приглашения встретить Новый, 1920-й, год именно в Palace Hotel. Строительство северного корпуса началось в 1926-м, закончено в 1929-м. Отель, открывшийся 5 сентября 1929 года, получил название Cathay. Новому зданию был немедленно присвоен титул главного отеля Шанхая. Присвоен заслуженно — невероятная башня с зеленой крышей, с головы до ног облицованная мерцающим серым гранитом, была произведением ультрасовременного искусства. Это новое чудо света, сверкавшее из почти просвеченной Азии!

Внутри — английский паб, американский джаз-клуб, французское кабаре, где проходили театральные и эстрадные выступления, рестораны

основных кухонь мира (включая главный ресторан старой китайской кухни — Dragon & Phoenix), банкетные залы, скоростные лифты, сотни номеров. Итальянский мрамор, флорентийская керамика, бронза, красное дерево — и даже плафоны с изображением хищных рыб работы великого Рене Лалика, французского певца ар-нуво. Чтобы встречать здесь Новый год, нужно было записываться в августе — не хватало номеров. В 1930-е годы Peace Hotel (вернее, Cathay Hotel) слыл, во-первых, грандиознейшим чудом Азии, а во-вторых, самым светским местом в акватории Южно-Китайского моря.

Потом все закончилось, пришли чужие военные, все, кто мог, разбежались из разо-

ренного Шанхая: гигантский древний Китай переживал страшные потрясения и, в конце концов, стал коммунистическим государством. В 1947-м отель был закрыт. И пустовал — жуткое, видимо, было зрелище. Пустая пирамида с выбитыми стеклами. В 1956 году его привели в порядок, и так появился Peace Hotel, или отель «Мир». Гранд-отель старого веселого Шанхая дали вполне коммунистическое прозвище. Одними из первых постояльцев новоиспеченного отеля «Мир» стали советские моряки. Здесь в 1960-м ждал приглашения Мао Цзэдуна «ко двору» британский маршал Бернارد Монтгомери.

Здесь веселился позднее Билл Клинтон, президент США. Его желании было пожить там, где когда-то (в 1936 году) жил и веселился, отмечая свадьбу с Полетт Годар, Чарли Чаплин.

Сегодня Peace Hotel — памятник. В нем трудно жить, но обязательно стоит попробовать. Из окон Peace Hotel открывается вид на другой Шанхай. Напротив — новейший район Пудунг: перебирает небо огнями небоскребов. Внизу — тысячи китайцев прогуливаются по набережной, некогда сооруженной европейцами. Peace Hotel похож на египетскую пирамиду. Невротичную, вечную, суровую и выстоявшую, выжившую в суеде сует.

www.shanghaipeacehotel.com

путешественник

Герой Манхэттена

гранд-отель **Нью-Йорк**

Гранд-отель The Plaza в Нью-Йорке перенес трехлетнюю реставрацию. Зимой он вновь открылся и ждет уже не только гостей, но и жильцов — часть 76-метрового небоскреба теперь отдана под апартаменты. **Юрий Яроцкий**, оказавшись среди гостей The Plaza, постарался прицениться к недвижимости.

На строительство The Plaza в 1907 году было потрачено \$12,5 миллионов — немыслимая по тем временам сумма ФОТО AFP

Одна из историй, случившихся с Plaza Hotel, связана с бретелькой. В 1956 году эта самая бретелька самым неожиданным образом соскочила с плеча Мэрилин Монро во время пресс-конференции, которую главная блондинка XX века давала в специально нанятом по такому случаю помещении под названием Tettase Room. Для Мэрилин Монро это был тяжелый период в жизни, который так и не закончился: ей хотелось казаться более серьезным человеком, она даже сказала, что мечтает сыграть в «Братьях Карамазовых», и вовсе не растерялась, когда ей задали вопрос, кого именно. «Прушеньку», — сказала Мэрилин Монро.

Тут-то бретелька возьми да и предательски соскочит с плеча актрисы. Кто-то усмотрел в этом суровое знамение, мол, от судьбы не уйдешь. Кто-то, напротив, обратил внимание, что бретелька соскочила в самый подходящий момент и, как показалось кому-то, совсем не то чтобы неожиданно. Так или иначе, но эта история стала совсем не первой и далеко не последней в истории легендарнейшего отеля Plaza в Нью-Йорке.

Здание The Plaza было построено 101 год назад в самом центре Нью-Йорка. Другое дело, что у лучшего американского города нет центра: им можно считать и Уолл-стрит, и Таймс-сквер, хотя эти места находятся друг от друга на расстоянии часовой прогулки. А можно, и совсем небезосновательно, считать им площадь, где стонущая от количества туристов и испытавших внезапный приступ шопинга горожан Пятая авеню вдруг наткнется на тиший и непонятно как существующий внутри мегаполиса Центральный парк.

Построил отель архитектор Генри Дженвей Харденбург (ему же Нью-Йорк обязан и знаменитым жилым комплексом «Дакота»). Путь к успеху и славе для The Plaza был намечен скорее короткий, нежели длинный. На строительство было потрачено \$12,5 миллионов — сумма, которую по тем временам было невозможно себе представить. Отель стал одним из самых высоких зданий на Манхэттене: его высота составила 76 метров, а небоскребов тогда в округе было совсем немного, при этом один из самых знаменитых — небоскреб «Утюг» — был всего лишь на 11 метров выше.

Здание стало одной из доминант манхэттенского Мидтауна — из Центрального парка было видно в первую очередь это величественное здание. В день торжественного открытия 1 октября 1907 года приглашенным был сделан королевский подарок — впервые появившиеся в том году на улицах Нью-Йорка такси целый день катали их бесплатно.

Джон Леннон и Йоко Оно часто баловали себя рюмочкой в этом баре ФОТО AP

Поселились в The Plaza поначалу самые богатые американцы, номера отеля они использовали скорее как шикарные квартиры, нежели временное пристанище; позволить такое могли лишь избранные — номер стоил не меньше двух с половиной долларов за ночь. Так, среди прочих туда со своей супругой въехал Альфред Гвинни Вандербильт, один из самых выдающихся обладателей знаменитой фамилии. Вскоре обосновалась там и русская княгиня, немка по происхождению, Вильма Львова-Парлай, а вместе с ней и ручной лев по имени Гольдфлекс. Держать домашних животных в гостиницах было нельзя, но в The Plaza для Вильмы сделали исключение. История произвела большой фурор, даже больший, чем портреты видных нью-йоркцев, которые княгиня с успехом принялась писать.

Спокойная шикарная жизнь The Plaza была на мгновение нарушена в 1920 году. Тогда молодой писатель Фрэнсис Скотт Фицджеральд потряс Нью-Йорк своей книгой «По эту сторону рая» и логично последовавшей из вырученных гонораров искрометной разгульной жизнью. Были в ней, к примеру, катания на крыше такси вместе со своей юной женой Зельдой, а пиком стало катание в Пулитцеровском фонтане, расположенном прямо напротив входа в The Plaza, непосредственно у ног венчающей фонтан богини древесных плодов Помоны. Этим замечательным инцидентом отель The Plaza гордится до сих пор. Еще больше, правда, он гордится тем, что часть действия написанного пять лет спустя «Великого Гэтсби» происходит именно в The Plaza, где состоится решающее объяснение героев.

Лица величайших людей века тем временем не переставали сменять друг друга в стенах The Plaza. В номере 249–251 знаменитому Сесилу Битону позировала Грета Гарбо. Здесь отдыхал от работы на строительстве Музея Гуггенхайма Фрэнк Ллойд Райт. Светлана Аллилуева именно здесь, в The Plaza, объясняла журналистам всего мира, почему она, дочь Сталина, решила порвать связи с Советским Союзом. Трумэн Капоте вел здесь знаменитый черно-белый бал в честь Катрин Грэхэм, легендарной издательницы The Washington Post и Newsweek. Здесь жили Джули Гарланд с дочерью Лайзой Минелли, Марлен Дитрих, участники The Beatles (а после в местный бар частенько заходили Джон Леннон и Йоко Оно), посредник между арабским миром и Израилем король Марокко Хассан II. Здесь праздновались самые шикар-

Такси сыграли важную роль в жизни The Plaza — в день открытия отеля они возили гостей по городу бесплатно ФОТО REUTERS

Многие миллионеры выбрали The Plaza своим домом, что было недешево

ные свадьбы, за соседним столиком можно было легко встретить Фрэнка Синатру с Мией Фэрроу или Жака Кеннеди с Аристотелем Онассисом. Вся жизнь Нью-Йорка, то есть во многом и жизнь всего мира, прошла через стены The Plaza.

Установи здесь камеру, получишь здесь кинохроника века. Она, кстати, отчасти и получилась. Первым свою камеру здесь установил Альфред Хичкок: великому режиссеру именно это место показалось самым подходящим для того, чтобы снять сцену похищения героя Кэри Гранта в фильме «К северу через северо-запад». Дальнейшая фильмография The Plaza: «Какими мы были», «Коттон-клуб», «Король Нью-Йорка», «Клан Сопрано», «Один дома», «Почти знаменитый» и еще немало фильмов. Среди всех вымышленных героев, когда-либо попадавших в стены The Plaza, отдельно нужно остановить-

ся на шестилетней девочке по имени Элоиза. Ее придумала актриса и певица Кей Томпсон, согласно легенде, наблюдая за тем, как шалит в этом отеле ее крестница Лайза Минелли. Кей тут же придумала девочку, которая живет в The Plaza на самом верху вместе со своей няней, мопом и черепашкой по имени Скипперди. Непослушная девочка с золотыми волосами и отель принесли друг другу дополнительную славу: портрет Элоизы до сих пор висит недалеко от лобби.

Отель менял не только постояльцев, но и владельцев. Его первые инвесторы, некие Бернард Бейнеке, Фред Стерри и Гарри С. Блэк, продали The Plaza Конраду Хилтону, прадедушке некой Пэрис Хилтон и основателю названной в честь себя гостиничной империи. Затем его владельцем стал бостонский магнат А. М. Соннабенд. Тот продал его инвестору в нед-

шел в руки Elad Properties, подразделения саудовской же компании Elad Group.

К этому моменту отель не потерял своего шика, но постылыцы стали уже получать удовольствие не столько от его, казалось бы, вечной актуальности, сколько от налета ностальгии, выразившейся в числе прочего и в том, что много, где потрескалось, поблекло и вообще стало скорее напоминать о прошлом, чем быть частью настоящего. Elad решительным жестом закрыли The Plaza на трехлетнюю реставрацию.

Зимой этого года отель открылся заново. В несколько усеченном варианте — его часть, отдельное крыло с отдельным входом, было переделано в жилой дом. Увы, все апартаменты в нем уже распроданы (по ценам, временами доходившим, как говорят, до \$50 миллионов). Впрочем, и временным постояльцам осталось немало. Все, что нуждалось в реставрации, было отреставрировано. За новый дизайн отеля отвечала израильтянка Гали Навер, которая сумела изобрести гармонию между прежним шиком и суровыми требованиями современного комфорта. Шик: обстановка комнат в стиле Луи XV, меховые покрывала на огромных кроватях, 24-картное золото на краях и балтеры, в любое время суток появляющиеся не только по первому зову, но и в непринятых белых перчатках. Требования современности привели к появлению в номерах универсального беспроводного пульта, с помощью которого можно управлять всем, чем только можно управлять в номере, а также читать последние новости и выбирать рестораны для ужина. Выбирать, впрочем, совсем не обязательно: все рестораны и бары The Plaza на месте, стойки сочные, коктейли безупречны, а официанты расторопны. На месте и обновленный зал The Grand Ballroom, где до сих пор играют самые главные нью-йоркские свадьбы и справляют самые важные дни рождения. Дотраивается и вот-вот достроится серия приятных бутиков, со дня на день откроется шикарный салон красоты.

Впрочем, главное не это. Главное — то, что может почувствовать даже стайка любопытных туристов в шортах, которая нет-нет, да и прошмыгнет в прохладное фойе The Plaza. Попад сюда из жаркого, вечно куда-то несущегося, растущего во все стороны и говорящего на всех языках города, можно уже спустя мгновение почувствовать себя в другом, солидном, уверенном в себе и никуда не торопящемся Нью-Йорке. Таким, из которого следует все остальное, что есть в этом городе.

www.fairmont.com

SUNGATE

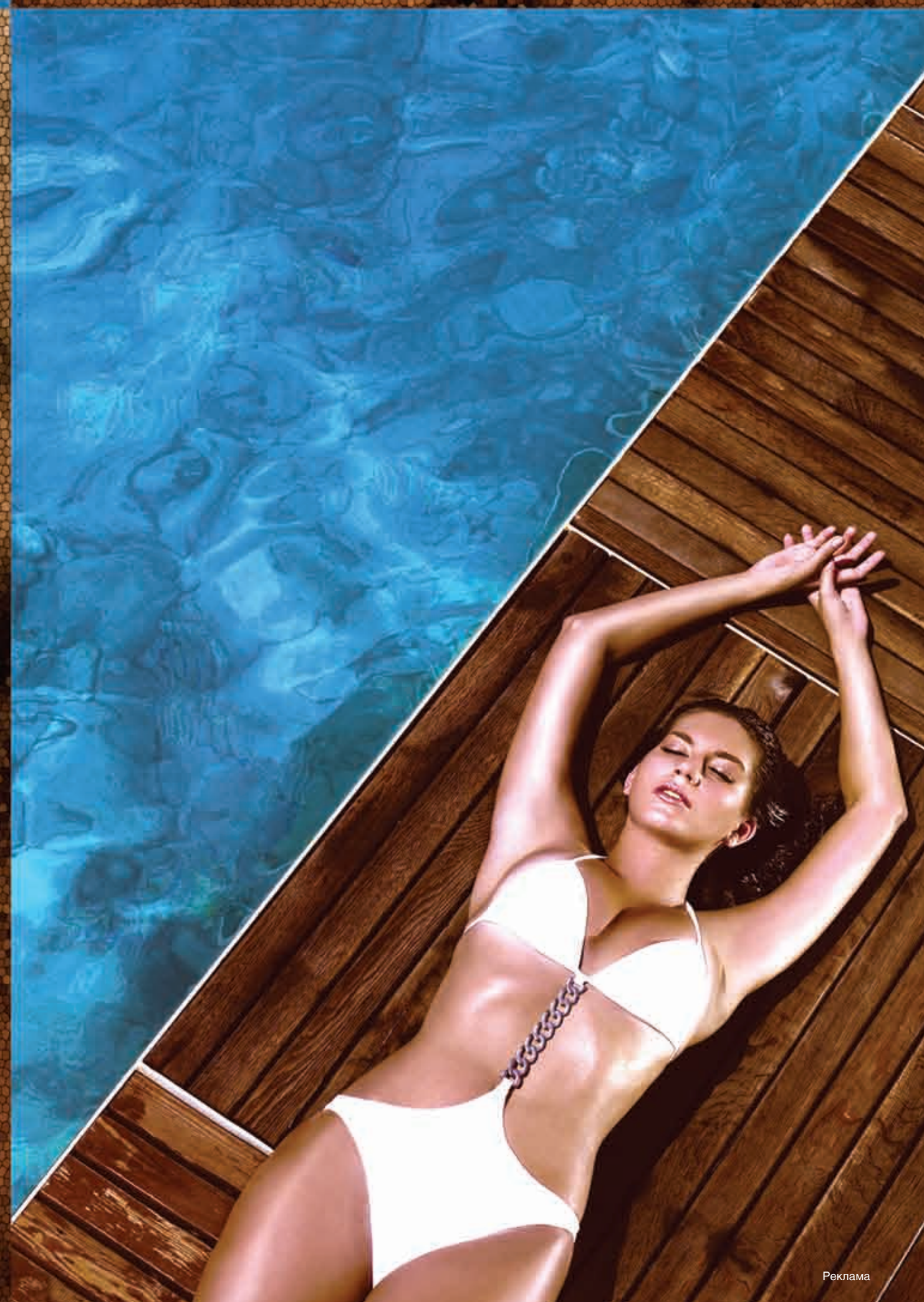
PORT ROYAL

Resort • Spa • Convention

Отель, в который
хочется вернуться..!

232-10-11

www.sungatehotels.com

путешественник

К востоку от Суэца

гранд-отель **ГОНКОНГ**

Гостиничная институция Гонконга, The Peninsula, в декабре отпразднует свое 80-летие. Некогда авангардное здание на полуострове Коулун ныне выглядит грандиозным памятником навсегда ушедшей эпохи ар-деко. И, казалось бы, The Peninsula должна проигрывать более современным отелям. Почему The Peninsula и сегодня является главной гостиницей в Гонконге, рассказывает **Александр Кулиш**.

В лобби The Peninsula ежедневно проходят чаепития в английском стиле

Отельный парк «Роллс-Ройсов» — можно ездить даже за покупками

Торговая аркада The Peninsula блистает витринами дорогих бутиков

Чтобы понять, почему среди множества отличных гонконгских отелей, чей сервис и так значительно превышает европейский, The Peninsula занимает особое место и считается истинной и неприкосновенной институцией, достаточно прогуляться по набережной района Цим Ша Цуй полуострова Коулун и посмотреть на другой берег залива Виктория, остров Гонконг. Вы увидите там одно из самых захватывающих зрелищ в мире — грандиозный парад небоскребов, построенных лучшими архитекторами современности, от И. М. Пейя до Нормана Фостера. Этот вид — визитная карточка Гонконга, он особенно эффектен субботним вечером, во время еженедельного светового шоу. По набережной, впрочем, можно и не ходить: то же самое можно увидеть из окна The Peninsula.

Что не так с небоскребами, спросите вы? Все так, они прекрасны. Вот только если бы житель Гонконга начала XX века увидел современный город, он бы его не узнал. Становясь более технологичным, деловым и устремленным в будущее, Гонконг, словно ластиком, стер свое прошлое. Где та элегантная европейская архитектура, которая раньше так украшала береговую линию залива Виктория, о чем свидетельствуют оставшиеся архивные фотографии? Не осталось ничего, все выкинуто на помойку истории, когда стоимость земли подскочила, и речь пошла о серьезных инвестициях. Все это неоновое великолепие города — словно космопарк, гордо приземлившийся и даже не заметивший, что разрушил давно уже существовавшую цивилизацию.

The Peninsula, гранд-дама гонконгских отелей, взирает с другого берега на эту битву с прогрессом отстраненно и гордо. Не то чтобы The Peninsula не интересовал прогресс — напротив, отель всегда реагировал на все самое модное, открывая в своих стенах то первый в Гонконге французский ресторан, то швейцарский, то первую дискотеку, не говоря уже о множестве бутиков в своей знаменитой аркаде. Некоторые из них появились впервые не только в городе, но и, как, например, Louis Vuitton Watch & Jewellery, впервые в мире. Главное, что открывший свои двери 11 декабря 1928 года отель до сих пор находится в историческом здании, гордо блюдет свои традиции, и даже коллекция столового серебра, немислимых, кстати, размеров в 48 тыс. единиц, на 80% состоит из приборов, закупленных еще для открытия отеля.

Да что серебро! В «Пенинсуле» служит барменом почтенный джентльмен Джонни Чун. Вот уж кто многое мог бы пове-

дать о традициях. В 1953-м совсем юный Джонни стоял за барной стойкой. К Джонни подошел Кларк Гейбл, снимавшийся тогда в Гонконге и остановившийся, естественно, в «Пенинсуле». Когда Гейбл попросил принести ему «отвертку», обалдевший Джонни чуть было не отправился на поиски настоящего инструмента: этого коктейля в Гонконге тогда не делали и не знали. Но господин Гейбл не придумал ничего лучше, как научить Джонни Чуна смешивать «отвертку».

Вид на остров Гонконг — из каждого окна The Peninsula

Джонни Чун и по сей день стоит за барной стойкой. И смешивает ту самую «отвертку» по рецепту Гейбла — может ли судьба сложиться лучше?

Как это обычно бывает с лучшими отелями, марками одежды, часовыми и ювелирными компаниями, которые славятся не только маркетингом, но и искусством и душой, отель The Peninsula — это семейный бизнес. Управление гостиницей «Пенинсула», с самого ее появления, находится в руках семьи Кадури. Представители этого энергичного семейства, предприниматели еврейско-иранского происхождения, стали заметными и известными в обществе меценатами. Заслуги семьи были признаны британской короной еще в 1917 году, когда один из братьев Кадури, Эллис, был удостоен рыцарского титула. С тех пор во главе Hong Kong

Hotels Ltd., позже переименованной в Hong Kong and Shanghai Hotels Ltd. (она управляет сейчас восьмью отелями сети The Peninsula в разных странах), стояли только сэры и лорды.

Кадури знали толк в роскоши и умели договариваться с властями. Впрочем, порой ничего другого им не оставалось: вместе с городом отель пережил смутные времена, волнения, войны. «Пенинсуле» пришлось предоставить свой роскошный интерьер для самых драматических событий.

Желанным объектом The Peninsula стала благодаря дальновидности Кадури: гостиница возникла в нужное время в нужном месте. В начале XX века полуостров Коулун был не слишком хорошо развитой территорией, урбанизация только начиналась, рядом были рыбацкие деревушки, а вся главная жизнь происходила через залив, на острове Гонконг. Однако на Коулуне находился железнодорожный вокзал — это была конечная станция поездов, следовавших из континентального Китая, а также трансибирского экспресса, пассажиры которого завершали здесь свое двухнедельное путешествие из Лондона. В то время это был самый быстрый способ добраться из Европы в Гонконг. Корабли, прибывавшие, кстати, тоже в Коулун, плыли сюда целых шесть недель! Ноу-хау братьев Кадури состояло в том, что пассажирам судов и железных дорог, утомленным длительной поездкой, предлагалось не сразу отправляться по своим делам в Гонконг, а перевести дух тут же, у вокзала и пристани, в самом роскошном и элегантном отеле Азии.

Так и получилось. Место быстро оценили, и «Пенинсула» стала центром светской и общественной жизни, вокруг которого стал формироваться новый Коулун с его деловой хваткой и стремлением к роскоши. К водному и железнодорожному сообщению в 1930-е годы прибавилось авиационное: в Коулуне был построен аэропорт, а в 1936 году президент Pan American Хуан Типпе собственноручно посадил первый самолет своей компании на коулунскую землю. С этого момента «Пенинсула» становится еще и транзитной остановкой для пассажиров, следовавших из Сан-Франциско в Манилу на рейсах Pan Am.

The Peninsula, впрочем, вовсе не тот случай, когда речь идет только о коммерции. Многие очень дорогие, в первую очередь для владельцев отеля, удовольствия свидетельствуют об искреннем интересе семьи Кадури к технике и к романтике путешествий. Так, первый пассажирский самолет, летавший между Сан-Франциско и Манилой, назывался China Clipper. Сейчас, на верхнем этаже нового корпуса отеля (историческое здание было аккуратно надстроено в 1994 году), находится зал, который так и называется China Clipper. Это колоритный музей гонконгской авиации, в котором собраны артефакты первых полетов, постеры, фотографии и даже пропеллер того самого самолета. Лестница из этого зала ведет прямо на крышу, где расположена вертолетная площадка, единственная среди гонконгских отелей. Постояль-

цам предлагаются эффективные панорамные пролеты над заливом, встречи в аэропорту или даже трансферы в Макао.

Другой страстью сэра Майкла Кадури, нынешнего владельца The Peninsula, являются роскошные автомобили. Автомобили вообще и винтажные в частности. Еще в 1970 году он предложил отцу эффектный ход: закупить парк роллс-ройсов, которые встречали и провожали бы постояльцев. Он разработал технические

требования к автомобилям и договорился с заводом о цене.

С тех пор парк неоднократно обновлялся. Последнее обновление случилось в декабре 2006 года, когда в Гонконг прибыло 14 новеньких темно-зеленых «Фантомов» с надписью The Peninsula Hong Kong — самый крупный заказ, который когда-либо делали автомобильной фирме. Так, The Peninsula стала любимым клиентом гудвудского машпрама: за все время сотрудниче-

ства в Гонконг отправилось 70 автомобилей, включая винтажный Rolls-Royce Phantom II 1934 года, который с удовольствием выкатывают для особых случаев: на самые громкие свадьбы, например.

Кстати, свадьбы — это еще одна важная традиция отеля. Все девушки города мечтают о свадьбе в «Пенинсуле», если она прошла именно здесь, жизнь, очевидно, удалась.

Сейчас гонконгская «Пенинсула» — это отель, где ан-

тиквариат соседствует с суперсовременным электронным оборудованием, расположено лучшее в городе место для послеобеденного чая — лобби, выполненное в стиле квартиренто, с расслабленным старковским интерьером ресторана Felix, а классический интерьер комнат подчеркивает открывающийся из окна вид — неоновые небоскребы, мерцающие на другой стороне залива.

www.peninsula.com

MUKARNAS

SPA RESORT

TEZ

tour

www.teztour.com

call-центр
тел.: (495) 741 3333
www.mukarnashotel.com
info@mukarnashotel.com

Фасад отеля никогда не менялся

путешественник

Отель Агаты Кристи

гранд-отель лондон

Рассказывать про отель Brown's невероятно приятно. Его история написана за нас, ничего не надо придумывать, изобретать. Brown's не нуждается в оправданиях и не требует любви. Первому, в буквальном смысле слова, отелю Лондона уже никогда не суждено стать вторым, уверен **Эдуард Дорожкин**.

Brown's действительно был первым лондонским гранд-отелем — он появился на свет в 1837 году как любимое детище достойной супружеской четы, естественным порядком вышедшей на пенсию. Джеймс Браун, чье имя гордо носит гостиница, был личным камердинером лорда Байрона, а его досточтимая супруга — горничной леди Байрон. По нынешним временам милые пенсионеры наверняка настроили бы горячий мемуар, по мотивам создали бы сценарий, и глядишь — через год на открытии Каннского фестиваля уже показывали бы ленту из жизни чудака поэта. Но тогда подобные методы не были в ходу даже у слуг — поэтому Брауны занялись гостиничным хозяйством. Уже на следующий день к оригинальному адресу — 23 Dover Street — были присоединены строения 21, 22 и 24. Дело пошло.

В 1859 году отель, к тому времени уже вполне успешное предприятие, первый раз сменил владельца. Brown's купил некто Джеймс Форд, предприниматель из Уилтшира, торговавший по соседству на Оксфорд-стрит сбруей и шпорами. Покупать было для кого: в тот год у Джеймса родился сын, который в 1882 году почти на полвека вытеснит у руля отеля Brown's.

Генри Форд — а именно так звали сына нового владельца — был одним из тех, кто присутствовал в фойе отеля при триумфе британской научной мысли. В 1876 году постоялец отеля, не-

кто Александр Грэм Белл, продемонстрировал собравшейся публике изобретение, которое он привез в Лондон. Это был первый в истории сеанс телефонной связи. В фойе отеля стоял сам ученый — а на другом конце провода, в своем доме на углу Равенскорт-парка, сидел Форд-старший. Он был первым, кто произнес «але». Среди прочих знатных постояльцев отеля в тот год выделялись французский император Наполеон III и императрица Евгения, очередными волнениями изгнанные из Франции.

От Генри Форда в Brown's остались цветные стекла — он очень любил цветы, курительная комната для джентльменов и — опять первый! — первый в мире отельный ресторан. До появления ресторана «1837» постояльцы гостиницы ужинали либо в номерах, либо в одном из специальных залов, где место следовало заказывать заблаговременно. Brown's — первый лондонский отель, в котором были установлены ванны. Замечу, что до последнего времени в гостинице сохранялась английская система подачи воды, когда, как идиот, смешиваешь в раковине холодную и горячую, и душ не стронуть с места — и только недавняя реконструкция внесла в этот вопрос, скажем так, свежую струю.

Теодор Рузвельт и его невеста Эдит Кермит Карроу были, уж извините, одними из первых, кто оценил новые городские удобства. До сих пор в отеле

Двери Brown's не раз распахивались перед королевой Викторией

Стиль старой доброй Англии был «скорректирован» дизайнером Rocco Forte Ольгой Полицией

хранится их брачное свидетельство, выданное в церкви Святого Георгия, что буквально за углом. В графе «род занятий» уже не стоит — «владелец ранчо».

С 1886 по 1894 год в отеле живет граф Парижский, претендент на французский престол, регулярно проводящий в салонах гостиницы заседания двора. Частой постоялицей отеля становится легендарная Сесиль Родес, давшая имя целой стране — Родезии.

В 1889 году Генри покупает еще одного соседа — здание отеля «Сент-Джордж». Из маленького домашнего отеля Brown's превращается в большой. И тоже до-

машный. От оригинального отеля «Сент-Джордж» в нынешнем здании осталось помещение бара — и теперь он называется Доппа, в честь знаменитого британского фотографа Теренса Donovan, чьи черно-белые работы в обилии представлены в отеле.

С 1892 по 1936 год Brown's становится, как выражаются в жизнеописаниях, вторым домом для великого Редьярда Киплинга. Он проводит здесь свой медовый месяц и оставляет за собой комнату, в которой, собственно, и будет написан «Маугли». Королева Виктория многократно бывала в отеле, но, как шутят, замечает нынешний вла-

делец отеля, обаятельный сэр Рокко Форте, «ночевала обычно у себя», по соседству, в Букингемском дворце.

В 1905 году в отель приезжает молодое поколение Рузвельтов — Франклин и Элеанор. У них медовый месяц, Элеанор напишет позднее в воспоминаниях: «У нас были королевские апартаменты с такой огромной гостиной, что я ничего не могла в ней найти». Ах, все не слава богу!

В беспокойном XX веке отель становится пристанищем, иногда на долгие годы, для очень многих аристократических родов. С 1914 по 1918 год в гостинице живет бельгийская коро-

Действие детектива Агаты Кристи «Отель Бертрам» происходит в Brown's

лева Елизавета. С 1924-го по 1935-й — Георг II, король Греции. Отель становится его официальной резиденцией, и перед своим возвращением в Афины король удостоивает высшей государственной наградой — орденом Феникса — тогдашнего директора Brown's. В 1936-м в гостинице живет эфиопский император Хайле Селасси.

В 1939-м отель принимает албанского короля Зога. Здесь же, в Brown's живет голландское правительство в изгнании, отсюда в 1941 году оно объявляет войну Японии.

В 1965 году происходит событие, значение которого для оте-

ля сложно переоценить. Агата Кристи не скрывает, что действие ее нового детектива «Отель Бертрам» происходит именно в Brown's. Отель слишком хорош для того, чтобы быть правдой. В век невероятных скоростей, новых технологий, новых людей, новых нравов такое учреждение не может существовать без двойного дна. Старинная мебель, услужливый консьерж, неторопливый фойе-о-клок, фиалки на обивке — налицо все признаки старой доброй Англии. Притом, что старой доброй Англии больше нет. Подозрительно!

В 1968-м знаменитый отель покупает семья Рокко Форте.

В 1996-м — продает. И в 2003 году — к удивлению всех так называемых участников рынка — покупает снова.

Я застал последние деньки старого Brown's. Скрипучие полы, портье в котелке, три огромных окна, занавешенных пыльными шторами, облупившаяся мебель, слышен запах кухни. На фойе-о-клоке в чайной комнате — буквально весь лондонский свет. Чопорные дамы в буклях и с сумочкой. Приятные в общении и видные ростом молодые люди в костюмах Paul Smith. Голливудские актрисы с выводком детей. Спортсмены с первых полос. Винни-Пух и все-все-все. «Еще сэндвичей?» — «Пожалуй». В бокалах пенится розе, в чайнике заваривается коллекционный чай — у Brown's, разумеется, свой собственный чай, неотъемлемая часть добрых воспоминаний о колониальном прошлом. И эту совершеннейшую благодать должна была отменить, растоптать, стереть с лица земли реконструкция, затеянная сэр Рокко Форте, соседом Романа Абрамовича по тихим дням в Челси.

И — не отменила, не растоптала, не стерла. Гостиницу ремонтировали неспешно, года два, осваивая помещение за помещением, этаж за этажом. За дизайн отвечала Ольга Полиция, главная по декору в Rocco Forte Collection, младшая сестра сэра Рокко. Словно боясь оправдать худшие из опасений, она даже не притронулась к духу места: современный дизайн она использовала только как инструмент для более внятной передачи традиционного английского стиля. Слово «шарм» не будет лишним в отзыве об этой работе. Разумеется, в ходе реконструкции в отеле появилось SPA, тренажерный зал, ресторан Grill стал Albemarle, комнаты были переоборудованы по последнему слову техники, но и теперь кажется — за этим фасадом что-то нечисто. А значит, Brown's и сейчас живет своей обычной жизнью первого лондонского отеля.

www.roccofortehotels.com

SONY

Cyber-shot

СФОКУСИРУЙТЕСЬ НА ДЕТСКИХ УЛЫБКАХ

like.no.other™
*Как никто другой

Реклама

* Подробности на сайте www.sony.ru/efo.
Срок проведения мероприятия: с 7 июля 2008 г. по 31 августа 2008 г.

Цифровая камера Sony Cyber-shot T300 с функцией распознавания улыбки при съемке и слайд-шоу

Детская улыбка неповторима и бесценна. Ведь ребенок растет и меняется каждый день. Вы легко поймаете все его улыбки с новой камерой Sony Cyber-shot T300. С помощью функции Smile Shutter (распознавание улыбки) Sony Cyber-shot T300 автоматически фотографирует именно в тот момент, когда человек в кадре начинает улыбаться.

Технология Face Detection (распознавание лица) отличает улыбки детей от улыбок взрослых в процессе съемки. Специальная функция позволит Вам запустить слайд-шоу, состоящее только из кадров с улыбающимися людьми. Подключите Sony Cyber-shot T300 к телевизору BRAVIA и наслаждайтесь слайд-шоу в высоком разрешении!

ЛЕСО ПРИЗОВ

LCS-TWC

LCS-TWB

Smile Shutter

T300

www.sony.ru
www.sonymstyle.ru

путешественник

Музей в бухте Ангелов

гранд-отель ницца

Negresco — единственный отель Лазурного побережья и один из немногих в мире, избежавший приступов модернизации. Реконструкция случится только в случае безвременного ухода от дел владелицы гостиницы — однако меньше всего похоже на то, что 84-летняя мадам Ожье намерена куда-либо уходить. Уйдут другие — она останется, убежден **Эдуард Дорожкин**.

Многие совершенно ошибочно полагают, что человека, построившего уникальный дворец на Английской набережной в Ницце, звали Генри. О нет! Румынский язык родствен французскому, поэтому, разумеется, этого доблестного рыцаря, поднявшего отельное дело на небывалый до того времени уровень, звали Анри. Источники расходятся во мнениях, чем занимались родители Анри Негреско. Одни утверждают, что отец великого отельера был слугой в доме богатого господина, другие — что трактирщиком, третьи — что он был, как сказали бы сейчас, в мелком гостиничном бизнесе, содержал постоянный двор с харчевней.

Чем бы ни занимался отец героя, самого героя (год рождения — 1868-й) такая жизнь категорически не устраивала — и он, упаковав, по тогдашней моде, вещицы в узелок, отправился на заработки. В Европу. Ему было 15 лет.

История не сохранила трудовой книжки Анри, но скитания его были долгими, и на Лазурном берегу предприимчивый румын осел только на излете XIX века. Причем в скалистой его части — княжестве Монако. Здесь, наблюдая за повадками тогдашних VIP-ов, стекавшихся к игровым столам Монте-Карло со всех стран мира, за тем, что они едят, что пьют, как одеваются и где останавливаются, Анри разработал грандиозный план. Он решил построить отель-дворец. Это сейчас слово рабасе приклеивают к любым, даже лишенным исторической компоненты гостиничным зданиям, а тогда к делу подходили всерьез, и затея казалась рискованной, почти авантюрой. И, что называется, «ближний круг» на проект денег не дал.

Увлеченный своим «неосуществимым» проектом Анри воспользовался «клиентской базой» казино Монте-Карло и расослал всем предложение встретить новый, XX век с невиданным размахом — в банкетном за-

Люстра в холле Negresco была собрана по заказу русского императора ФОТО AFP

ле нового отеля. Предоплату внес только один состоятельный американец: августейшие особы, родовая аристократия, для которой, собственно, и задумал чудо-отель уроженец города Бухареста, отнеслись к проекту скептически.

И тем не менее. Ночь с 31 декабря старого столетия на 1 января нового, XX столетия тот самый один единственный поверивший американец провел в новом суперотеле. Без банкетного, впрочем, зала: к тому времени готов был только его номер — но уровнем сервиса гражданин США остался доволен. 13 лет ушло на то, чтобы доделать все остальное. В 1913 году, при огромном стечении публики, отель был торжественно

открыт. Но, видимо, судьбе было угодно, чтобы мировая слава к нему пришла позже. В 1914-м, с началом первой мировой войны, гостиницу превратили в госпиталь.

Война убила зарождавшийся «элитный» туризм — и к 1918 году Негреско был почти банкротом. В 1920-м он скончался — от болезни и тоски, так и не познав подлинного триумфа.

С 1920 по 1957 год Negresco находился в собственности некой бельгийской компании, которая ничего не сделала для его процветания: так, отель да отель. В 1957-м гостиницу приобретает чета Ожье, брадры правления принимает Жанна, и тут в жизни гостиницы наступает золотой век. Жан-

Купол отеля — курортная открытка из Ниццы ФОТО AFP

Дворецкие счастливы играть роли слуг XVIII века

на Ожье придумывает концепцию отеля-музея: в нем все, все, все должно быть не под старину, а собственно стариной, от лифта до кранов в раковине. Отель-дворец выстроил выдающийся архитектор Эдуард Нерманс, более известный как автор Moulin Rouge и Folies Bergeres, некоторые помещения доводил до ума Густав Эйфель — и начинка должна была соответствовать этому грандиозному замку.

«Здание окружали буйно цветущие вечнозеленые деревья. Внизу располагался пляж. В самом здании бросалась в глаза необыкновенно большая люстра, заказанная хозяином отеля столет назад... Следом за первым просторным холлом, в котором

размещались службы приема, портье и консьерж, находилось помещение лифтового холла, а уже дальше большой парадный зал, в котором и висела знаменитая люстра Негреско. Пол покрывал большой ковер. По краям зала висели люстры, каждая из них могла стать отдельным украшением... За колоннами, окольцовывающими парадный зал, виднелись магазины, торгующие сувенирами, золотом, парфюмерией. Справа от входа коридор вел в сауну, а пройдя налево, посетитель попадал в ресторан «Шантеклер», у входа в который возвышался импозантный метрдотель. Номера выходили на небольшие балкончики, красиво обрамлявшие стены старинного здания. Строго выдержанная в одном стиле мебель, стены комнат, обитые дорогим материалом, дополнявшим тройной слой занавесок, просторная ванная комната...»

«Импозантный!» В этом описании отеля Negresco, позаимствованном у одного популярного детективного автора, все похоже на правду: и только «буйно цветущие вечнозеленые деревья» выдают творца, не бывавшего в отеле, с головой. Негреско стоит среди долины ровной, в месте, начисто лишенном зеленых насаждений. И всякому, кто знает главный открыточный вид Ниццы — розовый купол «Негреско» над Променад-д'Англе, это ясно как божий день.

Люстра, действительно украшающая холл отеля, была собрана по заказу русского императора. Вторая такая же висит в Екатерининском дворце московского Кремля. Ковер — настоящее произведение искусства, покрывает 350 метров пространства. В салоне Людовика XIV висит огромный портрет короля-солнце: похожий есть в Версале и в Лувре. И больше нигде. За 50 лет жесткого и жестокого правления мадам Ожье собрала уникальную коллекцию предметов искусства — несколько эклектичную, но все же... Здесь, как в Греции, есть все — от фран-

цузской живописи XVI века до Сальвадора Дали, подлинник которого вполне можно увидеть где-нибудь в плохо освещенном коридоре.

В 2003 году усилия мадам Ожье по созданию отеля-легенды увенчались успехом даже и с формальной точки зрения: здание и его содержимое были признаны памятником истории и взяты под охрану государства.

Можно ли жить в памятнике? Владимир Спиваков — а это был первый человек, которого я встретил в фойе, — считает, что можно и нужно. Он всегда останавливается в Negresco: его, человека, который сам творит искусство, жизнь среди коллекционных предметов совершенно не смущает.

Других позолоченные раковины, массивные портьеры и медлительный лифт, не менявшийся столетие, выводят из себя: я знаю многих людей, буквально ненавидящих «Негреско» и совершенно непреклонную мадам Ожье (она в очередной раз заявила, что никакого США, пока она жива, в отеле не будет — довольно того, что провели интернет). Я, например, позвал оборотную сторону этой антикварности: при попытке открыть окно с целью пустить в комнату средиземноморский бриз остался с ручкожкой и без бриза. Мне вообще со старинными «фенетрами» не везет: ровно такая же история приключилась в парижском аналоге Negresco — отеле De Crillon.

В этом сезоне Negresco представил потенциальным клиентам три новых номера категории suite по 100 метров каждый. Они были декорированы лично гостевой Ожье — а кем же, спрашивается, еще? Из огромных эркерных окон открывается вид на Буксу Ангелов. Изголовье кровати в номере 327 — гигантская, тропическая что ли, бабочка из кожи четырех цветов. Ванная комната облицована розовым мрамором. А вот изголовье кровати в номере 227 представляет собой ангела. Консоль, прикроватные столики и настенные светильники сделаны из позолоченной дрезвины: отель вообще главный потребитель позолоты во Франции. Номер 127 — это чистый Людовик XV, спальня, салон, будуар.

Некоторые детали в Negresco выглядят как заведомая, хорошо продуманная пощечина современному вкусу с его тягой к спрямленным линиям, минимализму, с его ненавистью ко всяческому украшательству. Например, традиционная парижская карусель с крашенными деревянными лошадиными, в виде которой сделано кафе-бассейны «Ротонда», — одна из самых ветхих и ярких достопримечательностей отеля. Или костюм XVIII века, в который наряжен дворецкий. Да и сама мадам Ожье — человек совсем несовершенный, и свою несовершенство пестует и подчеркивает. Образ веселой старушки, подружки молодых, совсем ей не близок. Она и работает, и живет в отеле — в апартаментах на шестом этаже. И это еще ночь в музее — тоже.

www.hotelnegresco.com

С видом на Акрополь

гранд-отель афины

Гранд-отель Grande Bretagne в Афинах — на две с половиной тысячи лет моложе Парфенона. Но для современной Греции этот отель имеет большое символическое значение. Открытие Grande Bretagne в 1874 году на центральной площади греческой столицы стало событием государственного масштаба, утверждает **ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА**.

С самого верхнего этажа Grande Bretagne, где находится панорамный ресторан и два главных suites (416-й, президентский, и 516-й, королевский), открывается вид. Нет, это не вид на греческий город, это вид на Историю. Лучшего места, чтобы видеть Акрополь с истерзанной турками глыбой старика Парфенона, нет в Афинах. Именно здесь, на крыше Grande Bretagne, фотографии обычно делают все открыточные виды этого сокровища мировой цивилизации.

Вопрос — почему нет другого места, другой площадки, чтобы вместить в себя этот поразительный вид, — среди прочих имеет и четкий градостроительный ответ. Дело в том, что в Афинах запрещено строить сооружения, высота которых превосходила бы высоту Акрополя со всеми его постройками — Парфеноном, Пропилеями. Причем вид с крыши гранд-отеля хорош в любое время суток. Например, утром — весь Парфенон горит розовым солнечным светом, только еще начинает подставлять Гелиосу свои шершавые бока. Днем, когда неутомимый Гелиос уже успел порядком накалить эти холодные стены, Парфенон мжухает, он становится свирепым, он грозит всем с высокого холма. Вечером, когда Акрополь погружается в быстрые южные сумерки, потому тонет в ночи, но не успевает пойти ко дну до конца — его вытягивают на поверхность прожектора симфонической подсветки. Бывает и так, что постояльцы, снившие от обычной афинской жары, вообще решают не выходить до поры до времени в шумный, дикий, веселый греческий город, а все утро, день, вечер и даже ночь (это касается тех, кому посчастливилось жить в suites 416 и 516) сидеть в ресторане на крыше.

Правило о недостижимой высоте Акрополя не было нарушено и тогда, когда на центральной площади Афин, площади Конституции, в конце 1860-х затеяли грандиозную перестройку. Первый отель с именем Grande Bretagne был возведен на площади Кон-

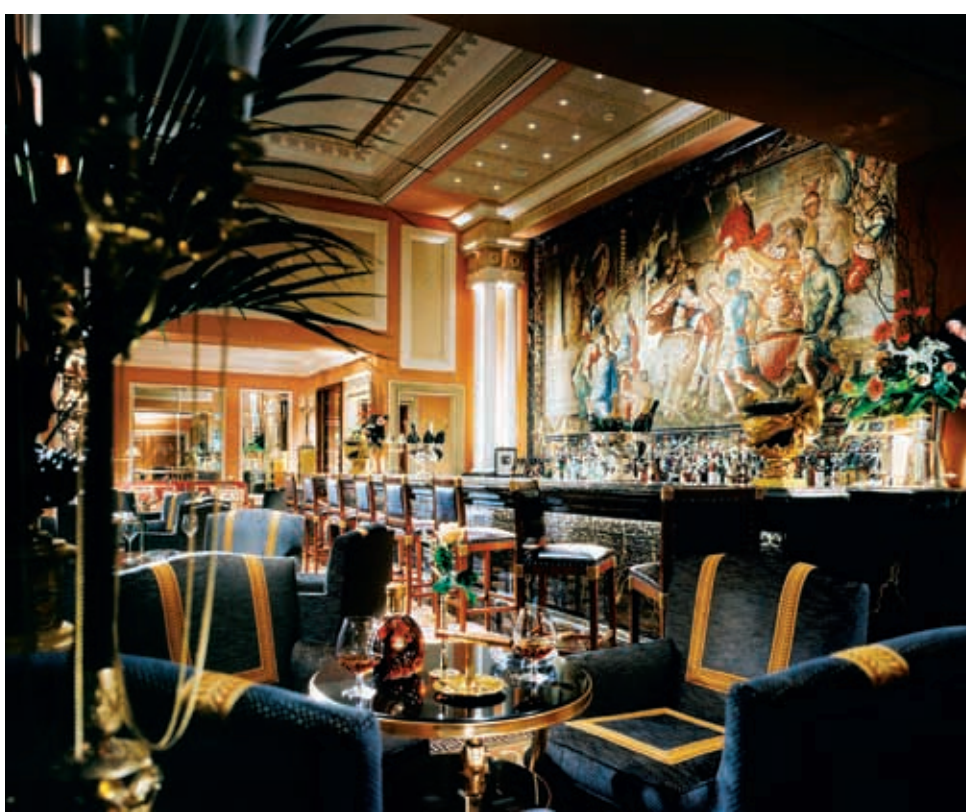

Grande Bretagne находится напротив здания парламента

ституции еще в 1862 году. Он был трехэтажным, немного в духе неоренессансного палатца, и оказался в итоге маленьким. Скинувшая с себя турецкое иго Греция с ее памятниками невероятно влекла туристов, в том числе и просвещенных, состоятельных, желавших комфорта. И первый Grande Bretagne не смог их всех разместить — тогда скромное здание было решено перестроить. Новый отель должен был стать символом новой Греции, свободной, независимой, гостеприимной, современной.

Итак, очередное здание отеля, торжественно открывшееся в 1874-м в присутствии греческого премьер-министра, было похоже на гигантский корабль, вставший на якорь — только не в афинском порту Пиреи, известном опасностью и антисанитарией, а в самом сердце города. Белье стены Grande Bretagne словно парили в пронзительно голубом небе. 321 комната отеля ждала гостей, к их услугам — лобби-бар в английском стиле, несколько ресторанов, сигарные и бильярдные комнаты, большая удобная библиотека с хорошим освещением.

Нетерпеливо ждал гостей и бедный уроженец Севастополя Эфстафиос Лампасас, маленького роста человек, которого называют первым и главным отельером Греции. Именно Лампасас стал первым директором

Бар Grande Bretagne любил Уинстон Черчилль

Из панорамного ресторана Grande Bretagne открывается вид на холм Акрополя и Парфенон

Grande Bretagne. Именно Эфстафиос Лампасас и его жена Пальмира, женщина невероятных размеров и французского происхождения (они венчались в русской православной церкви в Париже), определили на первых порах стиль нового отеля.

Парадоксально, но факт: устроители Grande Bretagne вовсе не стремились «брюцать древность». Никто и не думал устанавливать мраморные копии Аполлона Бельведерского в каждом углу отеля. Напротив. Дискурс был подчеркнут другой — ультрасовременный. Хотя, казалось бы, в Грецию ехали, едут и будут ехать, чтобы взглянуть на античность, но у устроителей Grande Bretagne была совсем другая задача — доказать всей Европе и всей Америке, что Греция не только жива и здорова, но и находится на самых передовых рубежах. Поэтому в отеле Grande Bretagne все было оформлено по последнему слову техники: большие, хорошо оснащенные ванные, великолепное освещение, стремительные лифты, доставка свежей прессы на всех центральных европейских языках, плюс экскурсии с подготовленными гидами, международные конференции и банкеты, бронирование билетов в круизы. Всеми этими хлопотными делами занимался Эфстафиос Лампасас, в то время как его жена

Пальмира была ответственной за вопросы «шарма»: меню, музыка, интерьеры в Grande Bretagne ни в чем не должны были уступать лучшим французским образцам.

Путешественники, и, самое главное, проворные английские путешественники, немедленно оккупировали афинский гранд-отель. Директор Лампасас вступил в активный деловой контакт со старейшим туристическим агентством мира Thomas Cook, которое организовывало массовые поездки по Средиземноморью. Старт давался в Греции, а потом путешественники плыли в Египет, Палестину и Константинополь, затем все снова оказывались в Афинах. Лампасас добился того, чтобы старт и финиш круиза имели место именно в Grande Bretagne.

Отель был невероятно большим (даже по сегодняшним меркам), и это обстоятельство (а также близость к парламенту, чье здание — напротив Grande Bretagne) открыло еще один путь к процветанию и успеху. В банкетных залах Grande Bretagne проводились заседания политических партий, международных ассамблей и ассоциаций. Здесь гремели судьбоносными решениями министры, депутаты, влиятельные священники, генералы и премьер-министры, включая Уинстона Черчилля. Словом, Grande Bretagne в конце XIX, в начале и в середине XX века был чем-то вроде политической арены. Именно здесь в 1946 году обсуждалась столь важный для страны вопрос о реставрации греческой монархии.

Конечно, люди искусства тоже не забывали Grande Bretagne — первыми из плеяды блистательных появились голливудская пара Дуглас Фэрбенкс и Мэри Пикфорд. Спешли и замечательные классики — Рихард Штраус репетировал в одном из залов отеля свое предстоящее выступление в театре Герода Аттика в 1927 году (в 1962-м репетицию повторил Герберт фон Караян). Здесь давали балы Аристотель Онассис и Мария Каллас, Лиз Тейлор и Ричард Бартон, князь Ренне III Примальди с молодой супругой Грей (Келли).

В 1960-х здание Grande Bretagne было вновь перестроено — оно стало выше на три этажа, отель расширили комнаты, открыл еще несколько ресторанов и залов. Следующая мощная реставрация, стоившая \$100 млн, состоялась уже в 2003-м: и вот отель в который раз торжественно открылся 17 марта. А март, как известно, это хорошее время для Афин.

www.luxurycollection.com

путешественник

Дожи и призраки

гранд-отель **венеция**

Гранд-отель Danieli в Венеции можно считать одним из самых старых отелей мира. Палаццо в византийском стиле рядом с Сан-Марко было построено знатной семьей Дандоло в конце XIV века и уже тогда частично служило гостиницей. **Екатерина Истомина** рассказывает о призраках и привидениях Danieli.

Лобби Danieli украшено портретами дожей Дандоло

Панорамный ресторан Terrazza Danieli — вид на Сан-Марко

Многие комнаты Danieli похожи на музеи

В Венеции все вопросы некогда решали дожи. Кто дож — тот и прав (исключения, довольно редкие, были). И представители семейства Дандоло, построившие здание, являющиеся сегодня Danieli, не раз избирались дожами Венеции. Надо сказать, что Дандоло были весьма гостеприимными дожами (положение обязывало), а потому неоднократно предоставляли свой грандиозный дом дорогим гостям из конкурентного Константинополя. Окончательно же дворец Дандоло стал гостиницей в 1822 году, и уже тогда он был похож на частный музей.

Впрочем, в Венеции совершенно любое здание, даже огромный соляной склад, легко может стать музеем. О соляном складе мы сказали не случайно — вот, например, старый кирпичный соляной ангар, расположенный недалеко от другого легендарного венецианского отеля Bauer, зимой 2007 года превратили в выставочный зал. Но гранд-отель Danieli — все же музей обитаемый, хотя, если признаться, жизнь в нем не будет лишена некоего смутного ужаса, невероятного, трепетного и почти священного.

По идее, такой гулкий, глухой ужас не должен покидать сентиментального путешественника в любом старом, историческом гранд-отеле. Ведь в таких заведениях жизнь уже давно течет самостоятельно, независимо, она давно не соприкасается с пребыванием в гостинице заветного постояльца — ведь очевидно, путешественник здесь проездом, и буквально, и метафизически.

В исторических европейских отелях всегда происходит какие-то странные, почти мистические вещи. То причудливо скрипнет с виду новая половица, то некая черная тень дерзко

Фрески XVIII века — важный элемент интерьера

мелькнет от шкафа. Входная дверь внезапно захлопнется сама собой и закроется на ключ, или же вдруг вода перестанет течь из крана. Или же чьи-то шаги раздадутся в коридоре, только вряд ли это идет по своим делам горничная.

Вряд ли это она вышагивает в огромном ночном чепце со свечой и фарфоровым ночным горшком в руках. Нет, это, разумеется, бредет некий призрак, демон ночи. Каменный гость в костюме Панталоне, Казанова, переодетый Арлекином, или же просто осужденный венецианскими дожами на смерть и чудом сбежавший с печально известного Моста Вздохов (легендарный мост раскинулся в 30

метрах от здания отеля Danieli). Постояльцу в Danieli всегда приходится нелегко. Он словно бы участвует в каком-то спектакле, причем играет в нем вовсе не главную роль. Наоборот, это отель играет им самим. Danieli уже два века живет как гостиница. Но, по сути, он так и остался пыльным и каким-то невероятно скрипучим византийским дворцом. За все столетия существования Danieli почти не перестраивали, а только лишь весьма осторожно присоединяли одно здание к другим (более века отель Danieli состоит из трех, соединенных между собой лестницами и переходами корпусов). Единственное, что сегодня отрицает его

громкую дворцовую суть, — это входы в гостиницу. Их сегодня имеется два: один традиционный для Венеции морской — это крохотная, необычайно скользкая мраморная пристань, пригитившаяся на правом боку Danieli. Второй вход — сухопутный, расположенный на набережной, которая тянется от Сан-Марко. Входы в отель такие неприметные, такие маленькие, что еще надо наловчиться узнавать их — с первого раза никогда не получается. И вот зачарованный путник, двигаясь от Сан-Марко в сторону Арсенала, частенько промахивается с «сухопутным» входом в Danieli — и через пару метров попадает в соседний, более бедный, «кислый» отель Angletette, где жил некогда Петр Ильич Чайковский, один из немногих людей, искренне не любивших Венецию («до чего же холодно и мрачно здесь!»). Потом, конечно, приходится возвращаться и более тщательно, пристально искать эту потайную позолоченную дверь, напоминающую вертушку. И в этом тоже есть интрига: Danieli на миг становится отелем-призраком, домом с заколоченным входом.

Дворец Дандоло (портретами этой великой семьи украшен грандиозный холл, и самый главный портрет изображает длинноносого дожа Энрико Дандоло) после того, как сей благородный род прервался, не раз переходил из рук в руки. На протяжении XVI–XVIII столетий им владели по очереди три других знатных венецианских семьи. Но, как отмечают историки Венеции, все эти три семьи (это Гриттис, Мосенигос и Бернардос) невероятно трогательно и бережно относились к старинному жилищу. Гриттис, Мосенигос и Бернардос всегда хотели, чтобы их дом оставался именно византийским дворцом, еще

помнившим ту самую великую Венецию, вздорную владычицу Средиземного моря.

Но все, как известно, со временем проходит в этом наилучшем из миров, и вот последняя семья владельцев Бернардос в 1822 году отдали в аренду часть фамильного дворца одному предприимчивому пустору венецианцу Джузеппе дель Ниели. Этот милый господин стал сдавать комнаты дворца путешественникам. Да так удачно складывался его нехитрый бизнес, что, в конце концов, Джузеппе дель Ниели стал полноправным хозяином всего здания. Так появился отель, которому Джузеппе дель Ниели дал имя, сложное из его собственного, — Danieli.

В начале XX столетия к основному дворцу Дандоло владельцы, потомки Джузеппе дель Ниели, прибавили еще один. Это «заднее», «тыловое» здание, которое получило собственное название — Danielino. Сегодня Danieli — это действительно огромный по венецианским меркам отель, здесь 192 номера с двумя комнатами, 29 однокомнатных номеров, а также 12 suites. Комнаты в старом здании Danieli отличаются по стилю от комнат в Danielino, а также от еще одной части дворца, которая называется Casa Nuova (она была присоединена к палаццо Дандоло и корпусу Danielino в начале XX века).

Так, номера в Danielino выдержаны в стиле ампира, хотя твердолобая и прямолинейная ампирическая палитра была решительно и удачно заменена здесь на более пастельные краски. Комнаты в основном корпусе Danieli, дворец семьи Дандоло, представляют собой небольшие антикварные лавки, довернувшись к ним, можно увидеть эпоху. Здесь и витиеватая барочная лепнина, и треснувший,

Мебель отеля датируется XV–XVIII веками

весь в морщинках китайский фарфор, и матерчатые обои в духе рококо, и темные ренессансные комоды, кое-где живописные изъеденные древесным жуком, и даже венецианские витражи. Именно эти комнаты в наибольшей степени заполнены самыми невероятными призраками. Корпус Casa Nuova с 55 номерами выдержан в пышном венецианском стиле.

Конечно, центральную ценность любого исторического отеля представляют гранд-номера. В Danieli самый главный номер похож на невероятный, многослойный, с множеством начинок торт — и путешественнику как раз предстоит жить внутри этого барочного торта.

ской точкой является панорамный ресторан Terrazza Danieli, расположенный на крыше. Вид на лагуну, открывающийся из ресторана, заставили бы плакать и Каналетто. На виду все центральные соборы — от Santa Maria della Salute до собора Лидо. Кухня в Terrazza Danieli — приятная, средиземноморская, а аперитивы можно провести в баре Dandolo, что в оперного вида лобби отеля, только надо быть готовым к тому, что к вам в стакан будут заглядывать дожи.

И, наконец, благородный список постояльцев, остановившихся в отеле. Старенький консьерж Danieli, к которому мы обратились с просьбой о таком списке (его здесь называют Золотой книгой, il Libro d'Oro), несколько смутился. Консьерж сказал, что древний отель Danieli сегодня как некогда устремлен в будущее. «Ну и все же, скажите, пожалуйста, кто же здесь у вас жил?»

«Бальзак, Диккенс, Вагнер, Пруст...» — неловко включился в разговор консьерж и замолк, понимая, что список, пожалуй, будет бесконечным. И Феллини, надо бы было добавить... И Сильвио Берлускони и Романо Проди. Но о живых знаменитых постояльцах как-то и неловко говорить.

Словом, в прошлом здесь жили по-настоящему великие призраки! Так, быть может, в темном коридоре мы видели именно Бальзака с ночным горшком? Или, все же, это был Вагнер со свечой? Или Чарльз Диккенс в чепце? Нет, решительно, нет. Это, конечно же, был Марсель Пруст — в чепце, с горшком и канделябром. Именно у Пруста, как известно, была лучшая бессонница среди всех упомянутых нами постояльцев Danieli.

www.luxurycollection.com

21-25 октября 2008 г.
Джакарта, Индонезия

23-я Международная торговая выставка
TRADEXPO INDONESIA

Главная выставка Индонезии

Торговое представительство Индонезии в Москве:
Тел./факс: (495) 238-3014, 238-5281
e-mail: atdag@sovintel.ru www.tradexpoindonesia.com

реклама

Отдых на лучших курортах мира
тел.: 7-999-444
www.nevatravel.ru

путешественник

Дворцы на Ла-Манше

гранд-отель **довиль**

Рыбачья деревня Довиль была введена в высшее общество в 1859 году. Родственник Наполеона III герцог Шарль де Морни был слаб легкими, но игрив характером. Еще у герцога де Морни были непростые отношения с императрицей Евгенией, супругой Наполеона III, поэтому показаться на Лазурном берегу или в Биаррице он никак не мог. Были выбраны Нормандия и деревушка Довиль. О том, кто сегодня является негласным хозяином Довиля, рассказывает **Екатерина Истомина**.

С высоты птичьего полета отель Du Golf напоминает королевское поместье ФОТО WWW.LUCIENBARRIERE-PHOTO.FR

Отель Royal — самое высокое здание во всем Довиле ФОТО WWW.LUCIENBARRIERE-PHOTO.FR

Панорамный ресторан в Du Golf открывает вид на холмы и фруктовые сады ФОТО WWW.LUCIENBARRIERE-PHOTO.FR

Кальвадос из погребов и лошади на ипподроме La Touques, гольф и Казино, кинофестиваль и импрессионисты в соседнем портовом городке Онфлер, целебные холодные морские купания и талассотерапия в знаменитом центре Algothetm на набережной — Довиль всегда ловко и очень профессионально противопоставит трепетной и чаще всего ненастной нормандской погоде. На любое погодное явление у Довиля (впрочем, как и у примкнувшего к нему Трувилля, что через речку) будет свое выгодное, свое интересное туристическое предложение.

Довиль — очень архитектурный и поэтический городок. Как известно, архитектурный стиль Довиля сочетает в себе английские и французские элементы. Так, на первой линии тон задают грегорианские и эдвардианские особняки с цветниками, белыми заборчиками, уютными плеточками.

В торговой части городка с непременными магазинами Hertmes и Louis Vuitton царствует уже французская архитектура — каменные приземистые «северные», какие-то почти ганзейские строения с крутыми крышами, со стенами, укрепленными деревянными балками. Дальше, после центральной торговой и деловой части города опять идут особняки, но уже большей частью французского вида — это каменные дома, красивые, словно грибы, но зато очень обаятельные. Ведь что главное во французском доме? Давное — это сад и окна. И вот на задворках одного из главных морских курортов Франции цветут фруктовые сады — вишни, яблони, сливы.

На самом вершине холма Канизи, под пышными фруктовыми садами высится над сказочным Довилем пологатый охотничий замок, размером с голливудский «Титаник». Этот замок есть первое из трех владений (Casino Barriere de Deauville мы не считаем, оно четвертое) семейного гостиничного бизнеса Lucien Barriere в Дови-

ле. Это гранд-отель Du Golf Barriere, гольф-отель, построенный в 1920-х годах, один из самых знаменитых в Европе.

Те самые холмы и стриженные лужайки есть не что иное как отельные гольф-поля. В Du Golf Barriere — два гольф-поля. Первое называется Golf Barriere de Deauville (оно рассчитано на 18 лунок), а второе — Golf Barriere de Saint Julien, с 27 лунками. Границы двух полей — это светский гольф-клуб The Club House, где кроме тематического бара и магазина с клюшками есть ресторация с меню, в котором за внимание желающих неторопливо пообедать бьются тигровые креветки, иные fruits de mer, а также стейки. Предлагается также неспортивная коллекция кальвадоса. Однако после неспортивного кальвадоса в гольф играется прекрасно, алкоголь хорошо согревает на нормандском ветру.

Еще в парке отеля Du Golf Barriere среди дубов стоит одна удивительная штука. Настоящая руина. Разумеется, руина не античная, а времен мушкетеров. Этот поросший побегими винограда кусок стены остался от замка, который выстроил некий рыцарь-олигарх для своей возлюбленной. Про олигархическую составляющую влюбленного рыцаря мы сказали неслучайно: судя по размеру сохранившейся стены, замок этот был дорогой и большой постройкой. Существует, правда, и другая версия происхождения руины. Согласно этой версии, стена осталась вовсе не от замка для любовных утех, а, напротив, замка для молитв — то есть это стена монастыря. В конце концов, не так важно, что это именно за стена, уж очень она живописна — итак, виват, руина! Не каждый отель может прихвастнуть такой элегантно развалиной. Да что там отель! Не каждый замок. Вот, например, Фридрих Прусский Великий, когда строил в Потсдаме свой Сан-Суси, повелел создать искусственную руину, что и было исполнено. А в Du Golf Barriere имеется своя.

Остается сказать несколько слов о номерах Du Golf Barriere — их обустроено 178 штук, из них 10 junior suites, все они оформлены в стиле ар-деко, но с некой долей сельского нормандского стиля. То и дело сквозь лаковую обстановку мелькнет розовощекий пион на обоях или же подмигнет желтый люттик на обивке. Большинство номеров имеют так называемые виды. Виды на долину и устье Сены по понятным причинам считаются наиболее востребованными. Приятно между делом наблюдать с меню, в котором за внимание желающих неторопливо пообедать бьются тигровые креветки, иные fruits de mer, а также стейки. Предлагается также неспортивная коллекция кальвадоса. Однако после неспортивного кальвадоса в гольф играется прекрасно, алкоголь хорошо согревает на нормандском ветру.

Гостиничное общество с давними традициями Lucien Barriere по-хозяйски цепко держит в своих руках не только главный гранд-гольф-отель Нормандии, но и очень смешное довилское Casino, похожее отчасти на Диснейленд, отчасти на театральный гиньоль, и два других гранд-отеля, поджидающих путешественника на песчаном берегу Ла-Манша. Это Royal Deauville Barriere и Normandy Deauville Barriere. Отели разделяют здание казино и частный грегорианский особняк, находящийся сейчас в стадии печального, но многообещающего ремонта. Несмотря на близость и принадлежность одной гостиничной семье, Royal и Normandy — это очень разные отели.

Наши личные симпатии — на стороне гранд-отеля Normandy. Это большой отель

Normandy — это дача, похожая на дворец ФОТО WWW.LUCIENBARRIERE-PHOTO.FR

Обеденная зала в Normandy видела самого Черчилля ФОТО WWW.LUCIENBARRIERE-PHOTO.FR

в английском стиле, открытый в 1912 году при небывалом стечении богатой публики. Самое замечательное в Normandy то, что он сочетает в себе признаки большой морской дачи и небольшого морского дворца. Посетителя встречает палисадник — калитка, белый заборчик, все как полагается на даче. Дальше в дело вступает непре-

менная дворцовая часть — в Normandy обеденная зала размером с небольшой павильон ВДНХ фанфарно гремит столовым серебром.

Что там несут на серебре интересного? Бретонские омаиры, слитки золотистых мидий, колбасы из розового креветочного мяса, рядки разноликих жемчужных устриц, только-

только вспрыснутые блеклым лимонным соком. Лучший ланч в Довиле происходит именно здесь, в Normandy. Гарсоны, похожие на худых загорелых обветренных пингвинов, руководят нестройным оркестром обедающих — наливая полезные вина и одаривая самых способных кальвадосом. Здесь разговляются даже застенчивые трезвенники — кто белым, кто красным, кто игристым. Иначе ведь омар не успокоится, не уймется там, внизу, в желудке.

Внутренний сад Normandy весной 2008 года прошел значительную реставрацию — покрашены башенки, разрисованы шашечки и полоски, эркеры блестят занавесками, клумбы радуют глаз наведенным порядком. Пожалуй, только бакланы и чайки, эти вечные шумные спутники морских курортов, могут помешать послеобеденной идиллии — страшно голосисты и чванливы в Довиле птицы. Известен один преступный птичий случай, получивший, надо сказать, большую огласку в городке. Голодный, но жирный баклан напал на покупателя Hertmes, когда тот выходил с новеньким седлом под мышкой из магазина. Все пикировал, пикировал над беднягой, горляка что-то свое, бакланское. Половина персонала бутика дружно выбежала на улицу и заслонила своими телами драгоценного покупателя. Седло было спасено.

Другой отель Lucien Barriere — Royal Deauville Barriere, имеет существенные отличия от Normandy. Это дворцовая курортная архитектура, в то время как Normandy все же ориентирован на более дачную, более интимную атмосферу. Конечно, разгуливать в цветастых купальных трусах до колена, пусть даже и от Hertmes, не позволительно ни в каком из указанных нами отелей, но все же помпезность отеля Royal иногда начинает действовать на нервы.

Желтое здание было построено в некотором смысле в пик полосатому дачному Norman-

du и на год позже открылось — в 1913-м. Общее архитектурное решение Royal — грандиозный палас-отель в духе belle époque. Так и строили отель «как палас» — недаром его так любили и любят именно голливудские американцы, а вовсе не французы и не англичане (среди поклонников Royal — Кевин Костнер, Том Круз, Роберт де Ниро).

Строили «как палас» и уверенно шли — этаж за этажом, этаж за этажом (особенно по старались в лобби, украшенном мраморными коринфскими колоннами, пурпурной мебелью и тропическими кустами в кадках). Но на подступах к крыше архитектор словно спохватился. Опомнись. И вспомнил — елки-палки, да мы же на курорте! Срочно требуется подпереть курортную составляющую. Так и получились у отеля Royal очень смешные верхние этажи, напоминающие больше мансарды.

Кстати, необычайная высота гранд-отеля Royal обеспечивает и редкую особенность — в Довиле все здания невысокого роста, поэтому увидеть панораму Ла-Манша очень сложно. Но и очень просто — если вы живете, положим, на седьмом или на восьмом этажах Royal Deauville Barriere.

Откройте утром окно, а за ним — панорама, достойная кисти Сислея или Моне. Сначала домики термальной центра Algothetm, потом теннисные корты, потом полоса кафе с полосатыми тентами. Потом желтые грады пляжных раздевалок, «кабин» с именами великих (мы не нашли, как не старались, только раздевалки Уинстона Черчилля, известного постояльца и любителя отеля Normandy), а также — Брижит Бардо, Бельмондо, нескольких Ротшильдов. Но самое интересное, конечно, это песчаная прибрежная полоса.

По этой полосе словно движутся в рапиде фигурки великой французской карусели. Вот поскочил мальчик в матроске с игрушечной лошадкой dada. Его догоняет девочка в матроской кепке с помпоном. Вот бе-

жит настоящая пегая лошадка — видно, что это молодая лошадка, так шустро выбрасывает она копыта вперед. Следом движется прогулочная коляска. Где еще сейчас, в этом мире мирного атома и 12-цилиндровых двигателей встретить подобное элегантное ландо? А зонтики, спасающие от неприятного на первых порах солнца? Загар, кстати, в Довиле хорош — он почти северный, он совсем не такой, как загар с Лазурного берега. Последней точкой, вернее, линией панорамного вида из окна Royal будет синева Ла-Манша, ровная, словно затянута старая буржуазная жизнь — с ее культом свежей морской еды и бутылки-другой вина, с послеобеденным сном, с чтением скучных позавчерашних газет, катанием на гремучей коляске, вечерним неторопливым променадом для «нагуливания сна», с изучением сводок с ипподрома и походом в курортные аптеки, к доктору и затем в Казино.

И, в-третьих, Normandy и Royal — это иллюзорный мир, в который приятно, волнительно, но и так страшно заглянуть. Ведь это жизнь, которой живут очень немногие счастливицы, может однажды затынуть надолго, если не навсегда. И тогда прощай, банк! До свидания, биржа! Прощай, заводы, газеты, пароходы. К черту, акции! Вперед — панорама Ла-Манша. Кстати, как мы выяснили под конец нашего путешествия в Нормандию, тот самый большой грегорианский особняк, что стоит на ремонте между Normandy и Royal, будет выставлен на продажу. Имеет смысл подумать.

www.lucienbarriere.com